

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.12

Правильная ссылка на статью:

Аникин В. А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 203—232.

For citation:

Anikin V. A. Crisis and Russian National Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. № 5. P. 203—232.

В. А. Аникин

КРИЗИС И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РОССИЯН

КРИЗИС И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РОССИЯН

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, доцент Факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия. Старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН, Москва, Россия. E-MAIL: vanikin@hse.ru ORCID: 0000-0002-2316-4628

Аннотация. Работа посвящена вопросу о том, к какой ценностно-нормативной модели тяготеет российское общество. На основе анализа эмпирических данных третьей волны мониторинга, проведенного Институтом социологии РАН осенью 2015 г., выявлено, что вопреки представлениям о российском массовом сознании как расколотом или «кашеобразном», оно обладает целостным мировоззрением державного

CRISIS AND RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

*Vasily A. ANIKIN^{1,2,3} — Candidate of Economic Sciences, Associate professor, Senior Research Fellow
E-MAIL: vanikin@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2316-4628*

¹ National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

² Institute for Social Policy, NRU HSE, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Abstract. This paper aims to explore the dominant model of the national identity of Russians. Drawing on the national representative survey data conducted in Autumn 2015 by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Science, the author comes to a conclusion that Russians demonstrate a socio-cultural consensus in their attitudes towards state and society. Russians perceive society as Power passing the responsi-

типа. С привлечением данных ИС РАН (и других исследовательских центров) доказываются четыре главных идеи, через которые раскрывается данный тип мировоззрения: 1. В России сохраняется доминирование ценностно-нормативной системы, характерной для обществ «неоэтакратического» типа, стержнем которой является особая роль государства; 2. Такое восприятие отношений государства и общества для населения страны лежит в русле понимания России как особой цивилизации, что, являясь отличительной особенностью русского национального самосознания, оказывается социальной скрепой всей макрообщности; 3. Обратной стороной этой модели взаимоотношений общества, государства и личности является то, что государство оказывается ответственным за нарушения консенсуса в обществе даже в случаях, когда власть не является источником таких нарушений; 4. Растут риски социальных конфликтов и делегитимации власти, снижения социальной защищенности работников и ущемления их прав работодателями. Принимая во внимание исторические формы коллективного действия российского общества, ставится вопрос о запасе прочности в нем по отношению к «структурному насилию» коррумпированной власти и безнаказанности работодателей, нарушающих базовые трудовые права россиян. Выражают ли россияне готовность к применению насилия для разрешения конфликтов?

Ключевые слова: национальная идентичность, мировоззрение россиян, ценностно-нормативная система, этакратизм, государство и общество, справедливость, структурное насилие, социальные противоречия, кризис

bility for the sustainable and equitable development to the state. The statism of Russia is a bottom-up phenomenon since people of Russia overwhelmingly support a priority of the society's interests over the ones of an individual. The majority perceives Russia as a unique civilization that should avoid the Western way of modernization. The idea of the 'unique way' is a distinct feature of the national identity of Russians; it plays a pivotal role in the societal cohesion of the whole society. In this model, the state is considered to be responsible for any breach in the society, in particular for the injustice and exploitation. That's why the growing number of violations of the rights of Russian workers increases the risks of societal conflicts and lead to a delegitimation of the official authorities. In conclusion, the author suggests the state being more responsible for the Russian nation in the sense of protecting the population from the structural violence and exploitation.

Keywords: national identity, Russian worldview, norms and values, etacratism, state and society, justice, structural violence, social conflicts, crisis

Благодарность. Подготовленная в рамках работы над проектом Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (вторая и третья волны) при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00218, рук. проекта — М. К. Горшков), данная статья является концептуальным развитием более ранней публикации [Аникин В. А. Глава 14. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Весь мир, 2016. С. 313—333]. Автор выражает свою признательность руководству Института за возможность использовать материалы эмпирических исследований разных лет и лично Н. Е. Тихоновой, а также независимым рецензентам за конструктивные замечания в ходе работы над данной статьей.

Acknowledgments. The paper is part of a project of the Institute of Sociology of RAS titled “The dynamics of social transformation of modern Russia’s socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts” (second and third waves) and supported by the Russian Science Foundation (project no. 14—28—00218; project manager — M. K. Gorshkov). The paper represents a conceptual development of the previous publication [Anikin V. A. Chapter 14. Interests of individual, state and society in public perceptions // In: Russian Society and Challenges of the Time. Book Three. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves mir Publ., 2016, pp. 313—333]. The author would like to express his gratitude to the management of the Institute of Sociology for giving an opportunity to use the empirical data from different years, personally to N. E. Tikhonova as well as independent reviewers for their constructive remarks that helped prepare this paper.

Вхождение России в зону новых рисков стало испытанием «русского проекта» на прочность. Текущий экономический кризис, влияя на российскую экономику, вызвав инфляцию, ухудшение ситуации в сфере труда и занятости¹ и рост бедности [Мареева, Тихонова, 2016], подводит россиян к вопросу, от разрешения которого может зависеть судьба всего общества. Он касается не столько прямого восприятия того, что происходит с экономикой, политикой или социальной сферой. Имея чувственно-ценностную основу, он обращен к глубинному восприятию общества и государства², не всегда артикулируемому и осознаваемому. При этом степень осознания россиянами общества и государства не должна восприниматься в качестве индикатора наличия или отсутствия национального самосознания, поскольку ценностно-нормативная модель как таковая не может быть осознана людьми,

¹ По данным исследований Института социологии РАН, рост цен и сокращение заработной платы, а также возросший страх безработицы стали наиболее распространенными формами воздействия нынешнего экономического кризиса на повседневность россиян [Российское общество..., 2015, 88—111].

² Вслед за Майклом Манном мы разделяем понятие общества и государства, хотя придерживаемся такого понимания общества, при котором границы общества определяются территориальными границами государства. М. Манн предложил концепцию государства, позволившую использовать государство не как идеологическое понятие, а как аналитический инструмент [Mann, 1984].

но должна быть осмыслена учеными. Несмотря на накопленный опыт рефлексии в этом направлении, среди ученых нет консенсуса в понимании национальной модели самосознания. Равно нет единства и в понимании того, как проявляет себя национальное самосознание в кризис, усиливает ли текущая ситуация желание возродить элементы традиционного русского мировоззрения или, наоборот, потребность в сближении с Западом.

Восприятие россиянами общества и государства преломляется спектром коренных вопросов их мировоззрения: о соотношении частного и общественного, включая героизм и готовность жертвовать личными интересами ради блага общества; проблема личной свободы и отношение к государству как «ключевому понятию русской ментальности» [Петухов, 2011: 13]; роль государства в обеспечении справедливого и гармоничного развития общества; вопрос о тождественности общества и государства.

Несмотря на то, что собственно научные методы поиска ответа на подобные вопросы сформировались относительно недавно (в конце XIX — начале XX в.), соотношение личности, общества и государства, а значит и попытки осмысления этого соотношения, причем как художественно-образного, так и рационально-формального, известны со времен античной философии на «Западе», конфуцианства и легизма на «Востоке»; и даже ранее, если принять во внимание литературу Древнего Египта, древнееврейские и шумерские тексты. В России осмысление отношений индивида и общества органично вписалось в традиционный спор между западниками и славянофилами, развившийся в силу разного понимания государства, его функций и границ его власти, а также вопросов об отношениях государства с его гражданами и отдельных индивидов — с обществом.

В западной традиции государство предстает как нечто внешнее и даже разрушительное по отношению к своим гражданам, свободам и интересам личности. Ярким образом такого понимания служит Левиафан в работах Дж. Гоббса. В такой модели государство отделяется от общества и даже ему противопоставляется, в то время как общество воспринимается в качестве коллективного выразителя интересов отдельных личностей или их групп, т. е. интересы личности оказываются первичны по отношению к интересам всего общества.

Однако, как показывают результаты исследований последних лет [Бызов, 2010; Российское общество..., 2015], такая модель восприятия государства, общества и личности не привлекает большинство россиян и не соответствует их представлениям «о должном». Мы наблюдаем логику ценностно-нормативной системы, характерную для обществ «неоэтакратического» типа [Тихонова, 2011; Шкаратан, 2009, 2015] и отражаемую обычно в позиции славянофильства: общество отождествляется и растворяется в государстве, народе, стране³, интересы которых ставятся выше интересов отдельной личности; однако интересы общественного развития ставятся выше интересов власти. Более того, российская макрообщность нередко наделяется антропоморфными чертами, как

³ Поэтому для характеристики социума в рамках такой модели социологи прибегают к понятию макрообщности [Тихонова, 2011]. Мы будем также придерживаться этой традиции.

правило женскими⁴, что в избытке встречается в отечественном фольклоре и народных образах. В русской культуре сложилось отдельное понятие — «Держава»; это не государство-партнер, с которым выстраиваются контрактные отношения на основе писаного права (Дж. Локк), а скорее могучая «Родина-мать», отношения с которой иррациональны и зиждутся, скорее, на сакральном чувстве любви и готовности к самопожертвованию, а также ожидании ответной любви и справедливости, чем на расчете и личной выгоде. Так, за «Державу» может быть «обидно», в нее можно «верить», ее нужно «любить», за нее может быть «больно» и «стыдно»⁵, но «продать» Родину сродни самому постыдному поступку, который может восприниматься россиянами как личное оскорбление. Отсюда особое понимание патриотизма, который в такой ценностно-нормативной модели проявляется не столько как взвешенная система взглядов или рационально выработанная идеологическая позиция, сколько как система чувств. Поэтому российская версия патриотизма предстает бескомпромиссной, жертвенной и безусловной, хотя, одновременно, и критической⁶ по отношению к Родине-матери.

Российское общество как «Держава»

Главный источник эмпирических данных настоящей работы — Мониторинг Института социологии РАН, проведенный осенью 2015 г. по репрезентативной общероссийской выборке, включающей 4000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений. При сравнении данных 2015 г. с данными за другие годы, источники и основные характеристики данных за соответствующие годы будут оговорены отдельно.

Наш главный тезис состоит в том, что вопреки представлениям о российском массовом сознании как расколотом [Ахиезер, 2001] или «кашеобразном» [Фурман, 2008], национальное самосознание россиян обладает целостным и сфокусированным мировоззрением державного типа. О том, что в России сложилось «державное» восприятие общества, и это восприятие является всеобщим, свидетельствуют данные, часть из которых приведена на рис. 1. Подавляющее большинство российского населения (88 %) осенью 2015 г. считало, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности. При этом данные диаграммы 1.А показывают, что вопреки своему влиянию на эконо-

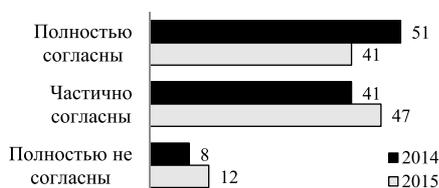
⁴ Вспомним, например, в этой связи понятие Родины-матери. В то же время, культ сильной власти, державности, вождя и нации практически всегда сочетается на микроуровне с культом агрессивной маскулинности (см., например, главу «Маскулинные и фемининные культуры. Интерлюдия [Жон, 2009]), традиционно сильного в России. И все же, если говорить о макроуровне, то данные исследований говорят о преобладании в российской культуре феминных свойств [Hofstede, 2001; Бурукина, 2000] и имманентности женского начала русской культуры (например: [Hubbs, 1988] и др.).

⁵ Богатый материал, иллюстрирующий отношение русского человека к государству, дает русская литература. Так, В. В. Розанов пишет: «Счастливую и великую родину любить — не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от нее...» [Розанов, 1913: 83].

⁶ Степень критичности, равно как и рационализации критической позиции среди российского населения очень разнится. Наиболее рациональной и конструктивной версией критического запроса к власти, направленного прежде всего на развитие человеческого потенциала нации, обладает сегодня российский средний класс [Средний класс... 2016].

мическое положение граждан, кризис не сильно способствовал росту «частного интереса» в противовес «общему».

А) Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, %

Б) В какой степени респондентам близка формула «мы – граждане России», %

Рисунок 1. Динамика представлений россиян о роли макрообщности, 2014—2015 гг.⁷

Нормы модели общества, согласно которой интересы макрообщности оказываются важнее интересов личности, характерны для всех социально-экономических групп российского общества, без ярко выраженной локализации их в каких-то отдельных точках (что отражено в соответствующих показателях статистической значимости теста хи-квадрат, которые автор статьи может предоставить по запросу). Это говорит о том, что носителем державного понимания места общества и державной версии патриотизма является подавляющее большинство российского населения, а отнюдь не «периферийный контингент», как это принято считать в определенных научных кругах [Гудков, Дубин, 2001].

Результаты последних исследований показывают, что социокультурное измерение российской модели «державы» зиждется на ценностной общности россиян как представителей единого целого, существование которого основано на единстве взглядов на жизнь, норм и ценностей. Понимание единства у россиян основано не на исключительном превосходстве одной нации над другими, а на восприятии России как классической империи⁸, вмещающей многие национальности, этносы и религии на паритетных началах; и это понимание не подвержено влиянию кризиса. Так, весной 2016 г., т. е. спустя полтора года после начала кризиса, подавляющее большинство российского населения (62%) осталось при мнении, что «Россия должна быть державой, объединяющей разные народы», и лишь 37% посчитали, что «Россия должна стремиться, в первую очередь, к созданию русского национального государства» (1% затруднились с ответом)⁹. Более того, еще в 2006 г., когда патриотическая риторика была еще не так актуализирована,

⁷ Здесь и далее данные за 2014 год (если не оговорено иное) приведены по общероссийскому репрезентативному исследованию, проведенному ИС РАН весной 2014 г. (объем выборки 1600 человек).

⁸ Такая позиция россиян не снимает фундаментальной проблемы становления России как империи в гео-политическом отношении, что всесторонне показано в работе [Бузгалин, Колганов, Барашкова, 2016]. Это отчасти осознается и самим населением, хотя такая позиция является не самой популярной в современной России: так, 27% россиян считают, что в настоящее время Россия не является великой державой [Общественное мнение..., 2016: 48].

⁹ Здесь и далее данные за 2016 г. (если не оговорено иное) приведены по четвертой волне Мониторинга Института социологии РАН, проведенной весной 2016 г. по репрезентативной общероссийской выборке, включающей 4000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений.

как сегодня, 50 % экономически активного городского населения России (и 59 % представителей городского среднего класса) поддержали высказывание о том, что «все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ»¹⁰. Данная ценностно-нормативная установка оказалась очень устойчивой к текущему кризису. В 2016 г. это мнение также разделила половина российского населения (при этом 9 % категорично заметили, что «Россия должна быть государством русских людей», 32 % признали, что «Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом», в то время как 9 % затруднились с ответом).

Приведенные цифры вторят результатам исследований докризисного периода, в которых было показано, что потенциал межнационального согласия в российском обществе является характерной особенностью ценностно-нормативной системы россиян [Дробжишева, 2012]. Идея «единения народов России в целях ее возрождения как великой державы» из всех других представлений макро-уровня, способных объединить общество, еще до текущего кризиса пользовалась наибольшей поддержкой среди российского населения — 41 % в 2003 г. и 42 % в 2006 г., в то время как идеи этнонациональной уникальности увлекали в эти годы всего от 6 до 7 % россиян [Бызов, 2010: 11]. Пробуждение в последнее время пан-исламизма и возросшие угрозы исламского экстремизма не привели в общественном сознании россиян к росту этно-религиозной тревожности и ксенофобии. Даже на фоне мрачных событий с участием исламских экстремистов эти угрозы не стали восприниматься российскими гражданами как приоритетные, что «свидетельствует о глубинном понимании устойчивости российского цивилизационного фундамента, одним из параметров которого является православно-мусульманский диалог и взаимопроникновение культур» [Российское общество..., 2015: 410]. Все эти цифры сводят на нет аргументацию ряда исследователей в поддержку этноцентризма россиян как доминирующей ценности и фатальной роли этнической тревожности в «опровержении концепции „вечной сущности“ русской цивилизации»¹¹.

Демократическая Держава — «особый путь» России

Эта «вечная сущность» русской цивилизации заключается в решении вечного русского вопроса, состоящего не столько в том, с кем Россия должна сблизиться — с Западом или Востоком, — сколько в том, чтобы построить «демократическую» Державу, обеспечивающую справедливое развитие и возможности для реализации фундаментальных интересов разных социальных групп. Однако европейский опыт построения национальных государств на базе либеральной демократии, мультикультурализма и индивидуализма едва ли оказался применим в России. Не случайно именно идентичность с европейцами является для россиян наименее

¹⁰ Данные за 2006 г. приведены по исследованию средних слоев российского общества, выполненному Институтом социологии РАН в октябре 2006 г.; выборка репрезентировала экономически активное городское население России по полу, возрасту, типу городских населенных пунктов определенной численности и региону проживания и включала 1750 человек [Городской средний класс..., 2006; Петухов, 2006].

¹¹ Например, данная позиция изложена в статье Э. Пайна «Устойчивое развитие России может гарантировать только ее народ, овладевший государством и превративший его в орудие реализации общественных интересов». Цит. по [Бызов, 2010: 31].

популярной из всех представленных на рис. 2. Более того, 75 % россиян с уверенностью относят Россию к «особой цивилизации, в которой никогда не привьется западный образ жизни». Хотя в такой оценке присутствует компонент негативного отношения к правилам развития западной цивилизации, активно проявивший себя в последнее время, вера в цивилизационную уникальность России состоит не столько из реакции на действия западных стран и последние события, с ними связанные, сколько из глубинного понимания особого пути развития нашей страны. Так, даже в наиболее спокойные годы с точки зрения негативных воздействий Запада (например, 2006 и 2013 г.) уровень поддержки идеи о том, что Россия является особой цивилизацией, в которой никогда не привьется западный образ жизни, тоже был достаточно высок и охватывал порядка 62—66 % российского населения. Даже в 1996 г., в период эйфории по поводу сближения России и Запада, 58 % россиян соглашались с тем, что России не следует «идти по пути развитых стран Запада» [Гудков, 2004]. Более того, самоидентификация формирующейся России, построенная «на противопоставлении скорее Западу, чем Востоку», имеет глубокие исторические корни и насчитывает уже не менее трех столетий [Нуреев, Латов, 2011: 27]. Таким образом, понимание России как особой цивилизации является устойчиво воспроизводящейся из года в год отличительной особенностью русского национального самосознания¹², что можно считать эмпирическим вкладом в количественную оценку теоретических моделей, утверждающих существование русской цивилизации как реальности сегодняшнего дня [Лексин, 2012], равно как и в обоснование использования цивилизационной аксиологии в целом.

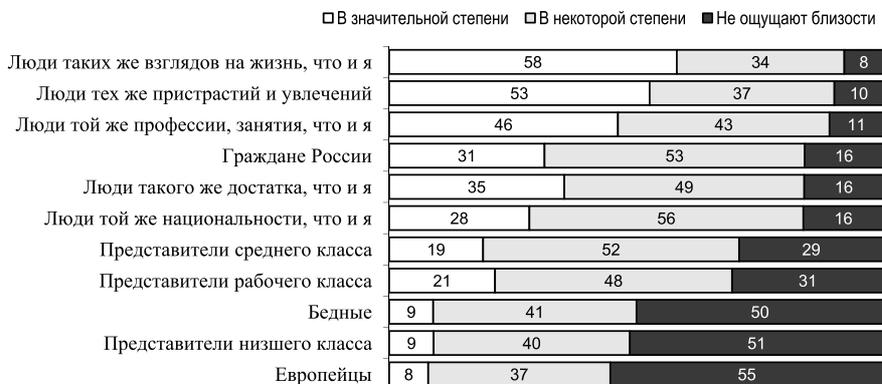

Рисунок 2. Особенности «мы-идентичностей» россиян
(с кем они ощущают общность), 2015 г., %¹³

¹² У этой особенности национального самосознания россиян есть специфические проявления. Например, зафиксированная в более ранних исследованиях тяга россиян к модели «равенства возможностей и сопутствующего ей неравенства доходов как стимула экономической активности», которая отличается не только от стран Западной Европы и Скандинавии, для которых тут характерны в целом более умеренные и уравнилительные настроения, но и от США и стран БРИК [Мареева, 2012: 25].

¹³ Респондентам задавался следующий вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей — с теми, о ком Вы могли бы сказать: «Это — Мы»?».

Ошибочно считать эту особенность национального самосознания россиян проявлением социокультурной ригидности и традиционализма, поскольку запрос на модернизацию в российском обществе существует и он достаточно высок. Так, по данным Левада-центра, с «великой державой» россияне ассоциируют прежде всего «высокое благосостояние граждан» (64 % в ноябре 2014 г. и ноябре 2015 г.), а также «экономический и промышленный потенциал страны» (60 и 58 % соответственно) [Общественное мнение..., 2016: 48]. Осознание российским населением особого пути России не только не противоречит, но и задает рамки ожиданий к модернизационной политике страны [Плискевич, 2016]. Сложившееся у россиян восприятие своей страны как «Державы» не исключает при этом «мы-идентичностей», сближающих россиян с жителями европейских стран, что подтверждает гипотезу о двойственности российской идентичности. Однако, в данном случае, эта двойственность проявляется не в социокультурном делении/расколе общества на «модернистов» и «традиционалистов», как это принято считать [Лапин, 2000; Тихонова, 2012; Холодковский, 2011], и даже не в существовании «ценностного большинства» и «ценностного меньшинства» [Бызов, 2014], или «консервативной периферии» и «модернизационного меньшинства» России «центральной» и «периферийной»¹⁴, а в параллельном сосуществовании в коллективном сознании россиян индивидуальных и групповых ценностей и идентичностей микро- и макроуровня.

Отметим, что некоторые сторонники идеи ценностного раскола российского общества в свете текущей ситуации пересматривают свои взгляды в пользу гипотезы о национальном единстве самосознания россиян на всем пространстве страны, вне зависимости от поселенческих и региональных различий. Так, Н. В. Зубаревич в интервью «Новой газете» признала, что центр-периферийная модель «временно умерла» и «вместо “четырёх России” установилась одна»¹⁵. При этом данные других исследователей показывают, что процесс отмирания ценностных противоречий начался в России задолго до текущего кризиса (с начала 2000-х гг.), отразившись, главным образом, на сглаживании идеологических и партийных противоречий еще в середине 1990-х г. раскалывавших российское общество [Петухов, 2006; Петухов, 2008].

Более того, «одна Россия» — в ценностном плане не такая уже обособленная от индустриально развитых стран. По данным ИС РАН 2015 г., магистральными ценностями для всего российского общества являются ценности европейского цивилизационного полиса. Так, 89 % россиян в той или иной степени ассоциируют себя с людьми той же профессии и рода занятий — что является нормой для западных стран, особенно для немецкого общества. Идентичность со средним классом в России наблюдается у 69 % населения — эта идентичность также очень популярна в странах Западной Европы. Схожесть взглядов на жизнь, а также общность пристрастий и увлечений является при этом основной для «мы-идентичностей» у 92—90 % россиян, а идентичность с «гражданами России» характерна для 84 % россиян (рис. 2). Это показывает, что по целому ряду важнейших параметров самооценки российское население, при определенной специфике, оказывается

¹⁴ О связи расхождений в ценностях и образе жизни современных россиян с региональными и поселенческими факторами см. подробно: [Зубаревич, 2010].

¹⁵ См. подробно: [Зубаревич, 2014].

очень близко к странам Западной Европы, что свидетельствует не о социокультурном расколе России, а скорее о возможности для национальной ценностно-нормативной системы успешного ее сосуществования с западной цивилизацией.

Однако даже из такого «ценностного дуализма» вытекают серьезные последствия для власти, особенно если самовосприятие существенно расходится с реальностью, как, например, при «мы-идентичностях» со средним классом. Наши расчеты показывают, что 36% населения, большая часть из которых (72%) являются рабочими, не принимают своего реального положения в обществе, относя себя к среднему классу¹⁶. Проблема в том, что такое расхождение сконструированной классовой идентичности и реально занимаемого положения несет в себе определенный конфликтный потенциал (с легитимностью применения насилия) по отношению к чиновникам и богатым, оказывающимся в общественном мнении ответственными за расхождения ожиданий и реальности. Так, среди населения, которое в средний класс не попадает, но при этом себя к нему относит, доля россиян, лояльных к насильственному решению конфликтов, составляет 53% (при среднем значении для среднего класса¹⁷ — 49%), уровень конфликтного восприятия отношений между богатыми и бедными — 41% (при среднем значении для россиян, входящих в состав среднего класса, — 34%), а между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, — 27% (при 23% для среднего класса). Отметим, что восприятие отношений между властью и народом в конфликтном ключе связано не только со статусной рассогласованностью, как в случае с рассмотренными болевыми точками российского общества, — в большей степени оно характерно для россиян, не входящих в средний класс и при этом осознающих свое менее статусное положение (36%, при 32% для населения в целом и 29% для среднего класса).

Таким образом, если в первом случае, при расхождении сконструированной классовой идентичности и реально занимаемого положения, население склонно более враждебно воспринимать группы, которые, в его глазах, ответственны за низкий статус тех, кто заслуживает большего, то во втором случае россияне, не входящие в средний класс и осознающие это, сомневаются в легитимности самой власти как гаранта благополучия «Державы» в силу неспособности этой власти обеспечить справедливость на рынке труда и соответствующий расклад жизненных шансов. Это связано с тем, что в рамках державной модели общества перспектива реализации фундаментальных интересов разных классов связывается населением не столько с классовой борьбой, сколько с действиями власти и ассоциированных с ней групп по обеспечению равенства шансов и индивидуальных прав представителей разных групп при консенсусе их интересов.

Важно понимать, что «державное» восприятие общества отнюдь не означает поддержки россиянами тоталитаризма и отрицания права личности на защиту своих интересов и отстаивание своего мнения. Так, 96% жителей России считают,

¹⁶ Стоит отметить, что конструктивистское понимание среднего класса не сводится и не должно сводиться к проблематике референтных групп, в которых членство индивидом, как правило, осознается, но он не отождествляет себя с референтной группой [Merton, 1968]. В рассматриваемом случае речь идет о статусной рассогласованности (между субъективным и объективным статусом) тех слоев населения, которые сознательно или подсознательно отождествляют себя со средним классом, при этом объективно средним классом не являясь (об объективных критериях выделения среднего класса см.: [Средний класс..., 2016]).

¹⁷ Подробно о критериях выделения среднего класса см.: [Средний класс..., 2016].

что человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения, и 89 % российских граждан открыто заявляют о праве человека на активную борьбу за свои интересы посредством забастовок и демонстраций, если, конечно, эта борьба не нарушает общественный порядок. Реализация этих ценностей, по мнению большинства россиян, возможна только в рамках демократического устройства. По данным 2016 г., 63 % россиян считают, что «Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека, свобода самовыражения личности», в то время как 37 % уверены, что «в России демократия не приживается». Как видим, *справедливое воплощение державной модели, в глазах российских граждан, должно учитывать интересы, личные свободы, мнение и позицию каждого гражданина в отдельности, а если они не учитываются, то россияне имеют право за них бороться*. Это именно та черта русского национального сознания, которую трудно понять, применяя западные классификации и расхожий миф о коллективистской природе души русского человека, о его якобы природной склонности к раблепию и тоталитаризму. Такая модель не сводится к классической либеральной демократии, поскольку интересы личности в «Державе» гармонизированы с интересами народа (что является необходимым условием существования самой «Державы»), хотя, все же, это модель, при которой «власть для общества», а не «общество для власти». Поэтому, с определенной условностью, сложившуюся модель самосознания россиян можно назвать тяготеющей к демократии, если учитывать, что «демократическое устройство характеризуется приоритетом общества по отношению к власти. Здесь основное отношение между ними состоит в том, что власть обязана выражать интересы народа, или общества» [Здравомыслов, 2000: 25].

Поправление властью интересов народа, проявляемое в какой бы то ни было точке общества, воспринимается гражданами России за счет внутреннего ощущения единства всех со всеми в макрообщности очень болезненно, как собственная проблема. И хотя случаи нарушения индивидуальных прав в современной России не носят повсеместного характера, непосредственно затрагивая, по данным мониторинга ИС РАН 2015 г., лишь четверть населения страны, это не означает, что интересы россиян как единого народа не ущемляются — такое количество нарушений генерирует ощущение тотальной несправедливости, нарушающей интересы всей макрообщности. Это значит, что, поскольку государство «получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права одновременно с делегированием ему ответственности за положение его граждан и принятие решений, касающихся страны в целом» [Тихонова, 2011: 13], власть несет и персональную ответственность перед россиянами за свои действия, что зачастую ее представителями на местах осознается слабо. Таким образом, *державное восприятие общества в сознании россиян не просто не предполагает тоталитаризма и деспотизма, а напротив — метафизически им противопоставляется, заключая в себе ценностно-нормативный механизм уравнивания всевластия государства принципом «вселенской справедливости» и учета интересов всех. В противном случае общественное сознание допускает и легитимирует борьбу с ним, осуществляемую в разных формах, в том числе и в формах хорошо известного по русской истории коллективного саботажа либо русского бунта*.

Разобщение верховной власти и народа в российской Державе

Как уже отмечалось в предыдущих исследованиях [Средний класс..., 2016], россияне критично оценивают успехи российской власти в реализации основных функций государства, в том числе — и по причине ее коррумпированности и фактической приватизации ее государством. В результате такой модели действий, воспринимаемой населением как фактический отказ власти от реализации своих функций в рамках вышеописанной модели, *служение стране и интересам своего народа отнюдь не является сегодня для россиян безоговорочной ценностью. Готовность к такому служению все в большей степени зависит от поведения власти, бюрократизация и коррумпированность которой разрушают ту систему норм и ценностей, в которой именно государство является стовым хребтом нации и общества.* В этом ключе, зафиксированное в исследованиях последних лет быстрое размывание основ легитимности идеи всевластия государства и приоритетности его интересов [Тихонова, 2011] нужно воспринимать во многом как реакцию населения на отрыв власти от народа, а также на ее бюрократичность и коррумпированность. Ситуация для России осложняется тем, что отрыв власти от народа идет в разрез с глубинными «стремлениями россиян к идейно-символической системе, освящающей эту власть и воплощающей ее единство с обществом» [Каариайнен, Фурман, 2007: 119]. Исторический опыт неозтратических обществ показывает, что разобщение власти и народа может приводить к разрушению государств. Так, видный дореволюционный теоретик державности Л. Тихомиров отмечает, что «разобщение Верховной власти и народа» составляло суть исторического момента накануне русской революции и являлось одним из ключевых факторов распада Российской империи в начале XX в. [Тихомиров, 1905]. Подобное отчуждение власти от общества наблюдалось и в советский период [Лапин, 1994]. Кризисные отношения между властью и обществом привели в конце 1980-х гг. к кризису самой власти, что спровоцировало последующий распад Советского Союза как государства [Здравомыслов, 1999] и еще большую эмансипацию политических отношений в 1990-х [Качанов, 1997: 5].

Разобщение государства и общества в современной России остается пока еще на высоком уровне. Так, если противоречия между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, в числе основных конфликтов современного российского общества называют 25 % россиян, то противоречия между властью и народом — 32 %. Принимая во внимание факт, что на 1/5 это одни и те же люди (и пересечение этих позиций имеет высокую статистическую значимость), можно заключить, что в общей сложности о противоречиях между обществом и государством в двух ипостасях последнего («власть» и «чиновники») говорило осенью 2015 г. около половины российского населения (49 %). Это намного больше, чем даже о противоречии между богатыми и бедными (37 %), которое традиционно относится к сферам, вызывающим наиболее сильную обеспокоенность у россиян (рис. 3), хотя в последнее время наблюдается вытеснение этой проблемы на периферию сознания россиян [Мареева, Тихонова, 2016].

Вместе с тем, данные рис. 3 позволяют говорить о признаках небольшого улучшения ситуации в сфере отношений государства и общества — т. е. о некотором снижении за время кризиса противостояния государства и общества во всех их ипостасях. Это не только следствие консолидации нации в условиях западных

санкций и ощущения идущей от Запада угрозы, но и изменение политической фразеологии. Начало и последующее развитие кризиса были сопряжены с «введением в политический оборот понятия “интересы России” в смысле общегосударственных интересов, сопоставляемых с интересами других стран и государств», а также «умелом» недопущении «фетишизации России и иррационализации в трактовке ее национальных интересов», на крайнюю необходимость чего в свое время указывали российские социологи как на «предпосылку восстановления доверия общества к государству и власти» [Здравомыслов, 2000: 33]. Текущая ситуация, видимо, подтверждает правильность такого расчета.

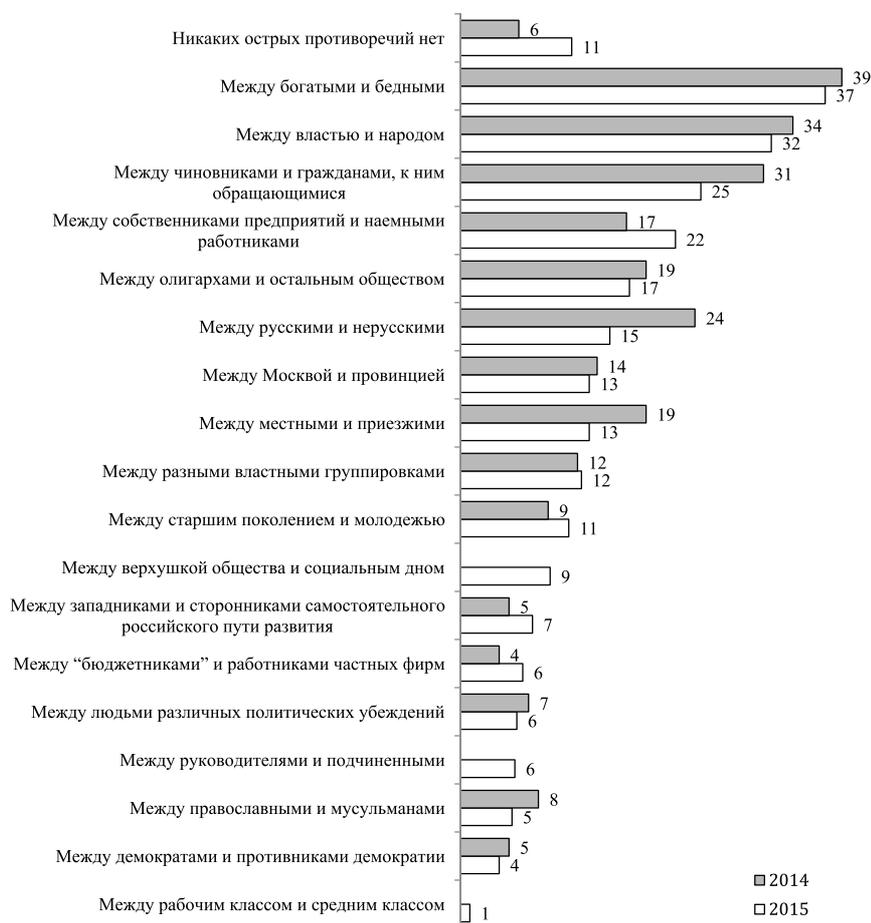

Рисунок 3. Динамика основных противоречий российского общества в оценках населения, 2014—2015 гг.¹⁸, % (допускалось до трех ответов)

¹⁸ Здесь и далее данные о противоречии между собственниками и работниками даны в процентах от работающих. Часть данных по 2014 г. отсутствует, поскольку соответствующие позиции в инструментарии проводившегося в феврале-марте 2014 г. исследования «Средний класс в современной России» отсутствовали.

Изменение политической риторики и ощущение необходимости консолидации нации перед лицом внешней угрозы способствовало не только смягчению остроты восприятия конфликта власти и общества, и особенно, чиновников и рядовых граждан, но и других не связанных со сферой труда конфликтов. Так, например, произошло резкое снижение численности тех, кто среди наиболее острых противоречий российского общества называл противоречия между русскими и нерусскими, местными и приезжими или православными и мусульманами (причем в последнем случае это снижение оказалось особенно заметным — с 16 до 5 % в период с 2013 по 2015 гг.). Эта тенденция проявилась и в росте, несмотря на кризис, числа тех, кто считал, что в российском обществе вообще нет острых противоречий (рис. 3).

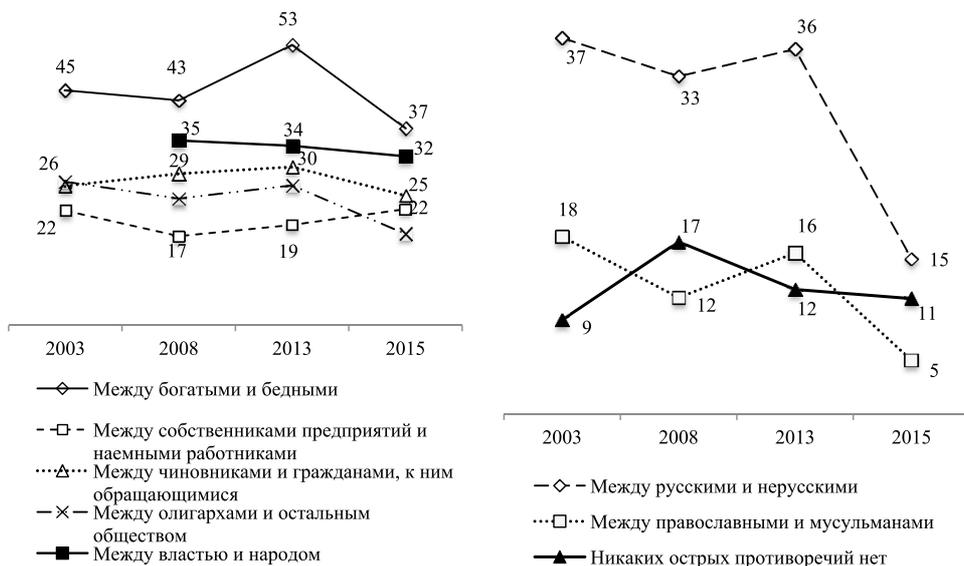

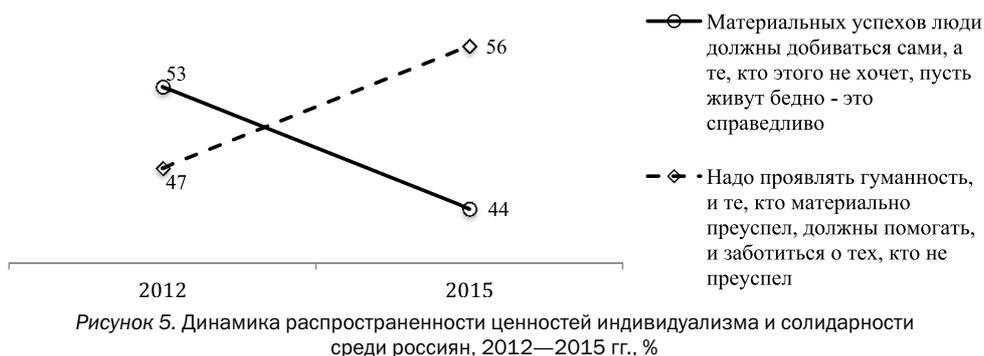
Рисунок 4. Динамика некоторых противоречий российского общества в оценках населения¹⁹, 2003—2015 гг., % (допускалось до трех ответов)

В этом контексте понятнее и динамика восприятия россиянами противоречий за более длительный период. Так, например, из рис. 3 и 4 видно, что противоречие между богатыми и бедными, занимавшее первое место среди других позиций в октябре 2015 г., в предыдущие годы было выражено еще сильнее. В 2013 г. оно волновало более половины россиян, а в 2003 г. — 45 %. Но если восприятие отношений между богатыми и бедными как конфликтных к 2015 г. заметно ослабло, то выбор в пользу противоречий между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, в числе основных конфликтов

¹⁹ Данные приведены по общероссийским опросам ИС РАН за разные годы. Позиция «противоречия между властью и народом» была включена в опросы лишь в 2005 г., феврале 2014 г. и октябре 2015 г. Соответственно, данные по этому показателю приведены за эти временные точки, так что 2008 г. на рис. 4 по нему соответствует 2005 г., а точка 2013 г. отражает данные за 2014 г.

современного российского общества был очень устойчив и на протяжении последних 12 лет практически не менялся, сократившись только в последний год. Сокращение на этом фоне важности этно-религиозных противоречий, с одной стороны, говорит о ситуативности этого типа противоречий в современной России, о чем уже было сказано выше, а с другой — о гораздо большей болезненности для россиян и *фундаментальном характере противоречий между государством и обществом, которые можно снять только посредством сильной политической воли*. Очевидно, одним изменением политической фразеологии в создавшейся ситуации не обойтись — с каждым днем кризиса в обществе зреет запрос на активные действия власти по защите интересов российских граждан внутри страны.

Как видно из рис. 3 и 4, общество болезненно реагирует на пассивную позицию власти по ликвидации «структурного насилия» [Galtung, 1969: 167], что выражается в росте ощущений у россиян противоречий между собственниками предприятий и наемными работниками, а также несправедливости — ведь гарантия справедливости является ключевой функцией власти в неозтакратической модели общества. Именно эта функция власти ставится под сомнение с ростом несправедливости в стране из-за текущего кризиса. Если весной 2014 г. лишь четверть россиян отмечали, что в обществе растет несправедливость, то к осени 2015 г. их доля возросла до 35%. Несмотря на то, что рост ощущения несправедливости в кризис может быть связан с объективными показателями ухудшающегося финансово-экономического положения, в том числе в сфере жизненных шансов у социальных групп, составляющих ядро налогооблагаемой базы (например, значительно сократившиеся в кризис инвестиции представителей среднего класса в свой человеческий капитал [Средний класс..., 2016]), неозтакратическая модель общества, выстраиваемая российской властью и поддерживаемая, как видно, российским населением, требует от государства (власти) особо деятельного участия по обеспечению справедливого распределения нагрузки кризиса и экономических успехов среди населения.

В рамках такой модели, когда стержнем всех процессов и общественного равновесия является государство, «забота власти о своем народе» является незыблемым принципом жизни общества. Причем запрос на государственную заботу

имеет четкую артикуляцию в восприятии россиян. Это, прежде всего, «забота о минимальных текущих нуждах членов этой общности» [Тихонова, 2011: 13], а также возросшая в последние годы потребность населения в солидарности, обеспечивающей «помощь и заботу в отношении тех, кто не преуспел» (рис. 5). А таких в России немало, и, как показывают результаты исследования, в ближайшем будущем их станет еще больше. Очевидно, что речь идет не только об усугубившейся в кризис бедности населения, но и о болезненном восприятии неравенств в современной России в таких сферах, как доходы, жилищные условия, доступ к медицинской помощи, образованию и достойным рабочим местам [Мареева, Тихонова, 2016].

Структурное насилие в российской Державе

Как было показано выше, ошибочно полагать, что структурное насилие со стороны обладателей власти осуществляется сегодня в России лишь «зарвавшимися чиновниками». Принуждение вне рамок закона, вызывающее болезненно переживаемое россиянами чувство «подневольности» и бесправия, обнаруживает себя во всех сферах их жизни, в том числе и на работе. Скрываясь подчас под вывеской «эффективного менеджмента», насилие на работе проявляет себя в форме использования текущей конъюнктуры в интересах работодателя и сопровождается ростом нормы эксплуатации, отсутствием социальной защищенности работников и т. д. Российский бизнес сам усугубляет эту ситуацию, внося риски вертикальных конфликтов внутрь организаций еще на этапе найма рабочей силы. Так, противоречие между собственниками и наемными работниками чаще всего отмечают те работающие россияне, по отношению к которым не соблюдается право на официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу, а также другие законодательно предусмотренные права работников (на оплату отпуска, больничного и т. д.).

В этом контексте очень значимо, что за время острой фазы кризиса резко увеличилась численность тех, чьи трудовые права нарушаются (табл. 1.). Несмотря на то, что к весне 2016 г. ситуация несколько выправилась, прежде всего в отношении таких существенных показателей, как своевременная выплата заработной платы и официальное оформление на работу, значения по ним лишь приблизились к докризисным. В кризис трудовые права в той или иной степени стали нарушаться у большинства работающих россиян (53 % в 2015 г. и 51 % в 2016 г.), хотя еще весной 2014 г. картина была иной — у большинства (56 %) они все-таки соблюдались. Более того, доля имевших какие-то дополнительные социальные блага по линии работы тогда была в три раза выше, чем весной 2016 г. Впрочем, в табл. 1 не учтены те, кто не получает полагающуюся им оплату за сверхурочные. Если учесть и тех, чье право на оплату сверхурочных нарушалось, доля работающих россиян, по отношению к которым работодатель не соблюдал хотя бы одно из трудовых прав, выросла до 79 % в 2015 г. и до 81 % в 2016 г.; при этом у каждого четвертого работника соблюдается сегодня не более одного из прав (и в 75 % случаев это право — своевременная выплата заработной платы по устному соглашению без каких-либо социальных гарантий).

Таблица 1. **Динамика социально-экономической защищенности россиян на рабочем месте, 2014—2016 гг., % от работающих**

Показатели	2014	2015	2016
Своевременная выплата з/п	92	89	91
Официально оформлены на работу	76	70	75
«Белая» зарплата	66	63	62
Оплата отпуска и больничного листа	68	60	59
Соблюдаются все эти права	56	47	49
Имеют дополнительные социальные блага	15	6	5

Несмотря на то, что нарушения прав работников в сфере трудовых и производственных отношений встречаются во всех профессиях и отраслях, наибольшее давление этой порочной практики нашего бизнеса (на предприятиях с негосударственной собственностью частота таких практик статистически выше) приходится на тех работников, переговорные позиции которых сильно ослаблены в силу физического характера их труда²⁰. Ощущение остроты конфликта между собственниками предприятий и их работниками характерно в наибольшей степени для рабочих (26% в 2015 г.), причем распространение такого мнения среди представителей традиционного рабочего класса (высоко- и среднеквалифицированных рабочих) еще выше и составляет 33%. Это противоречие ощущают также рядовые работники торговли и сферы обслуживания, положение которых близко к положению традиционного рабочего класса по многим параметрам [Аникин, Тихонова, 2016; Каравай, 2015]. *Это новая тенденция — еще несколько лет назад ощущение такого конфликта как значимого²¹ было характерно в первую очередь для пожилых респондентов, работающих на предприятиях государственной формы собственности, и пенсионеров и являлось скорее идеологической нормой, чем результатом реального конфликта интересов.* Сейчас ситуация начала быстро меняться.

Использование российским бизнес-сообществом ситуации кризиса в целях более полной реализации своих интересов сказывается в большей степени на восприятии гражданами самой власти, чем на отношении к бизнесу. Данные показывают, что подавляющее большинство вопиющих нарушений работодателями прав россиян в трудовой сфере напрямую отражается не столько на отношении собственников и наемных работников, сколько на ценностно-нормативном консенсусе, который сложился в обществе, а именно на легитимности власти, несущей ответственность за «Державу» вообще и справедливость действий работодателей в частности. Лакмусовой бумажкой таких рисков является место восприятия россиянами, чьи трудовые права нарушаются, отношений между властью и народом в рейтинге наиболее острых противоречий современного российского общества. О том, что именно этот показатель может служить индикатором рисков для легитимности власти, говорит статистически значимая сопряженность показателя

²⁰ О связи физического труда рабочих с низким потенциалом их переговорной позиции в организациях и меньшими перспективами на рынках труда см. подробно: [Goldthorpe, Llewellyn, Payne, 1987; Wright, 1997]; на материале российского общества см. работы [Нова ли новая Россия..., 2016; Тихонова, 2014; Шкаратан, 2015].

²¹ Респонденты должны были выбрать три наиболее острых для сегодняшней России типа конфликтов из 15 позиций.

с явным недоверием Президенту, Правительству, Государственной Думе России и органам местного самоуправления (42 %, 35 % и 36 % соответственно), а также нежеланием поддерживать деятельность В. В. Путина на посту президента России (39 % против 32 % по населению).

Более того, среди работников, которым работодатели задерживают своевременную выплату заработной платы, доля россиян, уверенных в том, что наиболее острые противоречия сейчас существуют между властью и народом, составляет 44 %, что превышает средние значения показателя в 1,3 раза. Среди работников, получающих зарплату «в конвертах», их доля также значительно выше средней и доходит до 36 %. Среди россиян, которым не обеспечивается оплата отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размере, доля называющих противоречие между властью и народом в числе наиболее острых доходит до 35 %. Наконец, этот показатель составляет 34 % (на фоне 22 % в среднем) среди тех, кому российские работодатели не оплачивают сверхурочные в случае их наличия.

Таким образом, если к обострению отношений между собственниками и наемными работниками приводит прежде всего нарушение прав работников на этапе найма, то ответственность за последующие нарушения прав сотрудников в процессе работы перекладывается населением на плечи действующей власти, обязанной следить за работодателем и обеспечивать среду и условия, в которых подобное «издевательство» над народом стало бы невозможным. Иначе говоря, нарушая права работников, бизнес усиливает острое отношение к власти, и игнорирование властью этой проблемы может нивелировать в глазах российских граждан успехи, достигнутые властью за последнее время на ниве укрепления международных позиций России, борьбы с коррупцией, а также в некоторых сферах социальной политики — например, доступности дошкольных детских учреждений.

Особенно высока вероятность роста конфликтного восприятия отношений между властью и народом на фоне резкого возрастания за последний год числа россиян, отмечающих ухудшение ситуации с безработицей и возможностью зарабатывать за время последнего президентства В. В. Путина. Популярность такого взгляда на отношения между властью и народом среди жителей России, для которых ухудшилась ситуация в сфере безработицы и возможности зарабатывать, равно как и индивидуальная ситуация с их материальным положением, составляет 34 %, 35 % и 36 % соответственно. Еще одним косвенным свидетельством того, что для многих российских граждан легитимность действующей власти зависит от их личной ситуации в производственной сфере, выступает тот факт, что популярность конфликтного восприятия отношений между властью и народом выше среди тех россиян, от мнения которых на работе ничего не зависит (34 %), а также среди испытавших проблемы с работой за последний год (42 %).

Для некоторых россиян, пострадавших за время кризиса от действий работодателей, осложнение ситуации в сфере занятости оборачивается также серьезным понижением их социально-экономического статуса, что, в свою очередь, приводит к пессимистичным оценкам ситуации в России в целом и разрушению консенсуса власти и личности. Так, среди российских граждан, оценивающих ущерб, нанесенный нынешним экономическим кризисом, как катастрофический, 44 % считают,

что нынешняя власть находится с народом в остром противоречии. Среди тех, кто считает, что в России за последний год произошли значительные перемены к худшему, этот показатель составляет 42%; среди тех, кто убежден в том, что «страну ждут трудные времена», — 35%.

Конфликтное восприятие отношений между властью и народом опасно еще и тем, что оно сопряжено с восприятием ситуации в обществе через призму «существенно возрастающих напряжений», 36% опрошенных именно так оценивали сложившуюся в России ситуацию осенью 2015 г. При этом нельзя сказать, что оценка отношений между властью и народом в контексте противоречий между ними сопряжена с сильным эмоционально-психологическим зарядом, например, чувством агрессии или озлобления. Скорее, наоборот — с состоянием безразличия и апатии (38%), чувством раздражения (41%). И хотя в данной точке национального сознания ситуация пока не критическая, психологические тяготы россиян нельзя недооценивать в реальной социальной политике, особенно при формировании антикризисных мер [Плискевич, 2003].

Таким образом, сегодня происходит нарастание конфликтного потенциала среди населения России, причины которого хотя и лежат в сфере производственных отношений, но направлен он в основном на власть, которая, в представлениях россиян, оторвалась от своего народа и не проявляет о нем заботу в трудную минуту экономических потрясений и притеснений. Вероятность того, что этот потенциал удастся развернуть в область классических противоречий капиталистического общества — коими в западной модели развития являются противоречия между собственниками предприятий и наемными работниками, — крайне мала в силу доминирующей среди населения ценностно-нормативной системы, стержнем которой является государство, замыкающее на себя ответственность за все ключевые сферы жизни общества.

Ценность общественного порядка в российской Державе

Несмотря на тлеющее напряжение в обществе, сохранение общественного порядка является все же доминирующей нормой населения современной России (76%, если рассматривать в сумме тех, кто полностью и частично согласны с соответствующей формулировкой), которая в равной степени касается всех социально-экономических и большинства профессиональных групп (рис. 6.A). А вот оставшиеся 24% (что при численности населения страны в 2015 г. составило порядка 35,6 млн человек), потенциально готовы пожертвовать общественной стабильностью ради своего права на забастовку или демонстрацию.

Россияне, готовые пожертвовать общественной стабильностью ради права на забастовку или демонстрацию, заслуживают самого пристального внимания, поскольку наиболее часто поддержка деструкции общественного порядка ради права уличной демонстрации и забастовки исходит от предпринимателей и самозанятых, а также руководителей всех уровней управления, — т.е. тех, кто имеет заведомо больший, чем население в среднем, ресурс личного влияния на рабочем месте (табл. 2), к тому же, в отличие от других групп, практически не сокращающийся с годами. При этом наметившееся в кризис частичное увеличение этого ресурса у управленцев вместо той его стагнации, которая наблюдалась последние

12 лет, вряд ли прибавит им лояльности к сложившемуся социальному порядку и власти — именно наличие ресурса влияния у работников положительно и статистически значимо связано с осуждением забастовок и демонстраций в случае угрозы общественному порядку.

Таблица 2. **Динамика ресурса влияния на принятие решений у разных профессиональных групп, 2003, 2014 и 2015 гг., % от работающих**

Ресурс влияния	Руководители, предприниматели и самозанятые			Профессионалы			Прочие работники нефизического труда			Рабочие		
	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015	2003	2014	2015
В рамках всего предприятия	44	33	40	8	5	7	4	3	5	1	3	4
В рамках своего подразделения	42	50	44	46	45	55	25	22	30	16	16	21
От них на работе вообще ничего не зависит	14	17	16	46	50	37	71	77	65	83	81	75

Если говорить об устойчивости позиций ценностного большинства, то из рисунка 6.А видно, что для половины населения (51%) признание приоритета общественного порядка над правом на забастовки и демонстрации носит все-таки не безоговорочный, а условный характер, и можно ожидать, что при поддержке лозунгов акций протеста для основной массы россиян нарушение правопорядка будет оправданно и легитимно. Настораживает и то, что из всех профессиональных групп первую строчку в этом списке могут занять профессионалы, среди которых больше всего сторонников (55%) именно условного признания приоритета общественного порядка над правом на забастовки и демонстрации. Это связано, прежде всего, с увеличивающимися неравенствами и критическим отношением профессионалов к организации политической жизни. Так, в среде руководителей и ядре среднего класса, облик которого формируют профессионалы, занятые в третичном и четвертичном секторах экономики, уровень понимания того, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции, заметно выше, чем в среднем по России (52% и 44% соответственно, против 38%) (рис. 7.А).

Таким образом, как фактические, так и потенциальные сторонники забастовок и демонстраций — это не маргинальные группы населения, а передовая часть общества. Именно они работают в органах управления страны, учат и лечат россиян, создают то информационное поле, в котором они живут, определяют успешность развития промышленности и финансовой сферы России и т. д. Поэтому взгляд и интересы этой группы игнорировать никак нельзя. *Более того, если кто-то и может выступить союзником власти на пути к структурным реформам, то это именно российские специалисты, которые на сегодняшний момент более других социальных групп склонны к конструктивному диалогу с властью, считая, что власти нужно помогать, а не просто ее ругать.* Так, 39% профессионалов полностью поддерживают тезис о том, что

оппозиция должна не критиковать правительство, а ему помогать. Вкупе с тем, что среди них реже, чем в целом по России, встречается враждебное восприятие власти, это свидетельствует о выполнении средним классом традиционной функции русской интеллигенции по сохранению и воспроизводству наиболее полной и умеренной версии общенациональной идеи «державности»²². И хотелось бы верить, что власть не вынудит представителей этой группы перейти на иные идеологические позиции.

А) Гражданин не должен иметь права на забастовку и проведение демонстраций, если есть угроза общественному порядку

Б) В любом обществе существуют конфликты, которые могут быть решены только посредством насилия

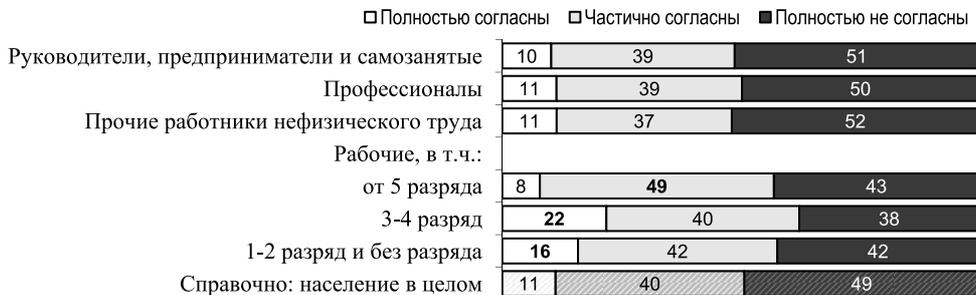

Рисунок 6. Распространенность норм активистской позиции и представлений о допустимости насилия в разных социально-профессиональных группах²³, 2015 г., %

²² Отметим, что в этом смысле российский средний класс выполняет функции, характерные для среднего класса индустриально развитых стран, а именно, снижение противостояния полярных групп за счет промежуточного положения и избегания крайностей [Simmel, 1971], и выражает стремление поддержать сложившийся в обществе ценностно-нормативный политический порядок — хотя и угасающее по мере роста внутренней гетерогенности среднего класса [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1978].

²³ Руководители включают в себя управленцев всех уровней; профессионалы — специалистов, работа которых предполагает наличие высшего образования; прочие работники нефизического труда — полупрофессионалов, клерков, рядовых работников в сфере торговли и бытового обслуживания; рабочие — работников физического труда всех уровней квалификации. Здесь и далее полужирным начертанием выделены статистически значимые отклонения на уровне $\alpha < 0.05$.

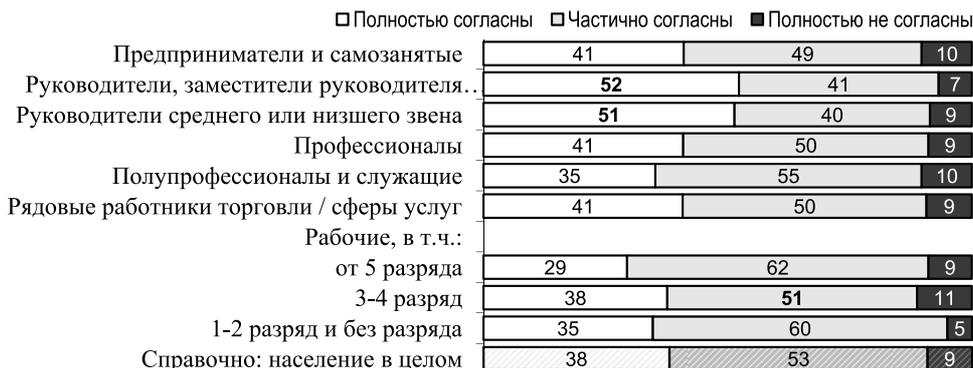
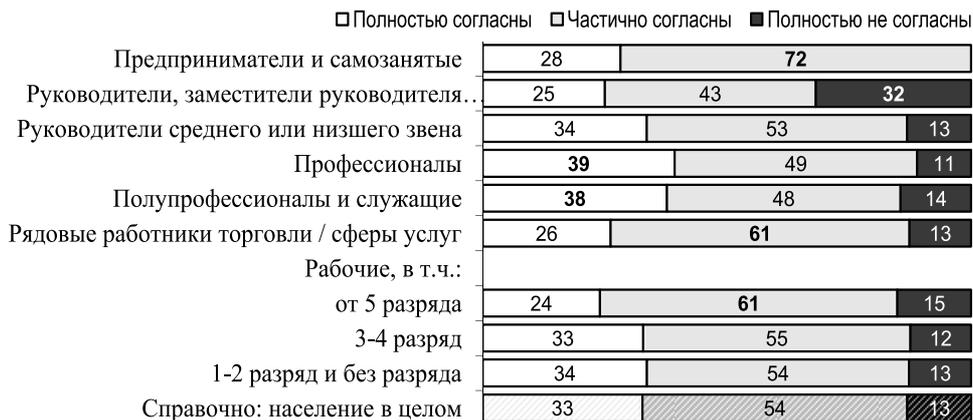
А) Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции**Б) Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказать помощь в его работе**

Рисунок 7. Восприятие политической оппозиции в разных социальных группах, 2015 г., %

Еще один существенный вопрос, который обычно выпадает из поля зрения российских социологов, — это легитимность для россиян насилия как инструмента разрешения спорных ситуаций в борьбе за свои интересы. А вопрос этот очень значимый, поскольку в России сохраняется значительная доля общества, которая на уровне установок полностью или частично поддерживает насильственные методы по решению конфликтов в обществе (51%). Проблема не только в том, что существует потенциал физической угрозы институтам власти, но и в том, что готовность применения силы многократно усложняет разрешение всех конфликтов мирными способами и создает тем самым дополнительные факторы углубления конфликтов, которые «вытесняют из сознания сторон исходную причину конфликта» [Здравомыслов 1996: 97].

Тем не менее, при таких, на первый взгляд, пугающих цифрах, речь идет, конечно, скорее о социально-психологической установке в отношении насилия, чем

о реальной готовности его применять. Так, респонденты, готовые пожертвовать социальным порядком ради возможности участия в митингах и забастовках, куда в меньшей степени, чем в среднем население России (41 % против 51 %), рассматривают насилие как допустимый способ разрешения конфликтов в обществе, т. е. для них за этими действиями скрываются обычно мирные и ненасильственные действия, и большая часть россиян, готовых выйти на митинги или принять участие в забастовках (59 % из них или 14 % от всего российского населения), вопреки расхожему мнению, не допускает и не оправдывает применение насилия как способа разрешения каких бы то ни было конфликтов. Таким образом, это умеренная часть активного меньшинства.

В целом же, полученные социологические данные говорят скорее в пользу проводимой сегодня в России жесткой политики в сфере массовых выступлений. Не только российским властям, но и всему обществу есть чего опасаться, когда численность россиян, для которых социальный порядок не представляется ценным и которые склонны оправдывать необходимость применения насилия безысходностью создавшейся ситуации, насчитывает 10 % населения страны. Этих людей по праву можно назвать радикалами, и некоторые из них представляют реальную угрозу в силу статистически более высокого уровня агрессии в их среде. Однако было бы неправильно всю вину за их позицию перекладывать только на радикально настроенное меньшинство — большая их часть относится к числу неблагополучных граждан России, занимающих очень непрочные позиции на рынке труда и обладающих крайне низким запасом ресурсов для самостоятельного конструктивного решения своих жизненных проблем.

Заключение

Возвращаясь к вопросам, поставленным в начале статьи, необходимо отметить, что в России сохраняется доминирование ценностно-нормативной системы, характерной для обществ «неоэтакратического» типа, стержнем которой является особая роль государства. Однако это отнюдь не подразумевает потребности в тоталитарном государстве. Напротив, это специфическое для России восприятие общества как ипостаси державы. При таком восприятии государство от общества неотделимо, а власти выдается мандат на справедливую заботу о своем народе. Воплощение державной модели в глазах россиян предполагает всеобщую солидарность в отношении граждан и помощь тем, кто не преуспел или попал в беду. Носителем державного понимания общества и державной версии патриотизма является подавляющая часть российского населения, а не какие-то конкретные социальные группы; за ощущением «державы» у россиян стоит чувство общности как у представителей единого целого, существование которого основано на единстве взглядов на жизнь, норм и ценностей.

Такое восприятие отношений государства и общества для населения страны лежит в русле понимания России как особой цивилизации, что, являясь отличительной особенностью русского национального самосознания, оказывается социетальной скрепой всей макрообщности. Национальная модель самосознания включает при этом также «мы-идентичности», близкие к европейским, несмотря на то, что в полной мере европейцами себя ощущают лишь 8 % населения.

Подобная двойственная идентичность свидетельствует о наличии социокультурного основания для органичного сосуществования России со странами Запада при сохранении ее в границах национальных устоев. Это те позитивные функции сложившейся в России ценностно-нормативной системы, которые обеспечивают сегодня стабильное существование общества и даже мобилизацию человеческого потенциала населения для решения общенациональных задач. Социальной базой для решения этих задач может выступить средний класс как выразитель наиболее умеренной и полной версии национальной модели представлений об обществе.

Опасной, при определенных условиях, стороной этой модели взаимоотношений общества, государства и личности является то, что именно государство является ответственным за нарушения консенсуса в обществе, даже в случаях, когда власть не является источником таких нарушений. Как показывают результаты исследований ИС РАН, возросшие в кризис случаи нарушения, по вине российского бизнеса, индивидуальных прав российских работников (преимущественно представителей рабочего класса) увеличивают у россиян ощущение того, что власть «оторвалась от народа» и находится с ним в остром противоречии. Противоречия между обществом и государством во всех его ипостасях ощущают в итоге около половины российского населения, что несет в себе колоссальную угрозу существующей власти, хотя консолидация нации под влиянием давления Запада несколько смягчила за последний год это противоречие. Наиболее опасным субъектом в данном процессе являются руководители разного уровня как наиболее активные сторонники критики власти, готовые пожертвовать даже социальным порядком ради защиты своих интересов.

Также, серьезно увеличивают риски конфликтов и делегитимации власти снижение социальной защищенности работников и нарушение их прав работодателями под предлогом кризиса, все шире распространяющиеся в условиях экономической рецессии. Таким образом, власти необходимо более внимательно следить за ситуацией на рынках труда с фокусом внимания на рабочие специальности. Не стоит полагаться на терпение русского народа в надежде на то, что проблема «сама рассосется» и бизнес по своей воле перестанет притеснять трудящихся. В рамках ценностно-нормативной модели общества, в которой государство является стержнем общественной жизни, российские трудящиеся могут надеяться только на государство как единственного гаранта соблюдения их прав и интересов. Активная роль государства сегодня очень востребована обществом, особенно, когда институциональные возможности населения донести свои чаяния до власти сильно ограничены.

References

Аникин В. А. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой). М. : Весь мир, 2016. С. 313—333. [Anikin V. A. Interesy lichnosti, gosudarstva i obshchestva v massovom vospriyatii naseleniya [Interests of individual, state and society in mass perceptions of the population]. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [Russian Society and Challenges of the Time. Book three]*. Ed. by M. K. Groshkov. N. E. Tikhonova. Moscow, Ves mir, 2016. P. 313—333.]

Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Профессиональный портрет среднего класса и особенности его эволюции // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир. 2016. С. 58—79. [Anikin V. A., Tikhonova N. E. Professional'nyi portret srednego klassa i osobennosti ego evolyutsii [Professional portrait of the middle class and specific features of its evolution]. *Srednii klass v sovremennoi Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovaniy* [Middle class in modern Russia. Experience with long-term studies]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir. 2016. P. 58—79.]

Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89—100. [Akhiezer A. S. Arkhaizatsiya v rossiiskom obshchestve kak metodologicheskaya problema [Archaisation in the Russian society as methodological problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporaneity]. 2001. № 2. P. 89—100.]

Бурукина О. А. Фемининность русского языка и культуры // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / под ред. В. В. Красных и А. И. Изотова. М. : МАКС-Пресс. 2000. Вып. 14. С. 84—88. [Burukina O. A. Femininnost' russkogo yazyka i kul'tury [Femininity of Russian language and literature]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. sb. statei* [Language, consciousness, communication: collection of articles]. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. M: MAKS-Press. 2000. Issue 14. P. 84—88.]

Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Россия: новая империалистическая держава? // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 74—87. [Buzgalin A. V., Kolganov A. I., Barashkova O. V. Russia: new imperialistic power? *Polis. Political Studies Journal*. 2016. № 1. P. 74—87.]

Бызов Л. Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России. 2010. Т. 19. № 1. С. 3—44. [Byzov L. G. «Neokonservativnaya volna» v sovremennoi Rossii: faza ocherednogo tsikla ili stabil'noe sostoyanie? [“Neo-Conservative Wave” in Contemporary Russia: A Phase of the Next Cycle or a Stable Stage?]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2010. Vol. 19. № 1. P. 3—44.]

Бызов Л. Г. Новое консервативное большинство как социально-политический феномен // Мир России. 2014. Т. 23. № 4. С. 6—34. [Byzov L. G. Novoe konservativnoe bol'shinstvo kak sotsial'no-politicheskii fenomen [New Conservative Majority as a Socio-Political Phenomenon]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2014. Vol. 23. № 4. P. 6—34.]

Городской средний класс в современной России : Аналитический доклад / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова). М. : Институт социологии РАН. 2006. [Gorodskoi srednii klass v sovremennoi Rossii: Analiticheskii doklad [Urban Middle Class in Modern Russia: Analytical Report]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Institute of Sociology RAS. 2006.]

Гудков Л., Дубин Б. Конец 90-х годов: затухание образцов // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2001. № 1. С. 15—30.

[Gudkov L., Dubin B. End of the 1990s: Attenuation of Samples. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2001. № 1. P. 15—30.]

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. М. : Новое литературное обозрение : «ВЦИОМ-А», 2004. [Gudkov L. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997—2002 godov* [Negative identity: Articles of 1997—2002]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, «VTsIOM-A». 2004.]

Дробижева Л. М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 91—110. [Drobizheva L. M. The Resource of Inter-Ethnic Tolerance and the Balance of Intolerance in Contemporary Russian Society. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology, Ethnology]. 2012. Vol. 21. № 4. P. 91—110.]

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М. : Аспект-Пресс. 1996. [Zdravomyslov A. G. *Sotsiologiya konflikta* [Sociology of conflict]. Moscow, Aspekt-Press. 1996.]

Здравомыслов А. Г. Распад СССР как результат кризиса власти // Социология российского кризиса. М. : Наука. 1999. [Zdravomyslov A. G. *Raspad SSSR kak rezul'tat krizisa vlasti* [Collapse of the USSR as a result of the crisis of power]. *Zdravomyslov A. G. Sotsiologiya rossiiskogo krizisa* [Sociology of the Russian crisis]. Moscow, Nauka. 1999.]

Здравомыслов А. Г. Власть и общество в России: кризис 90-х годов // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 25—34. [Zdravomyslov A. G. *Vlast' i obshchestvo v Rossii: krizis 90-kh godov* [Power and Society in Russia: Crisis of the 1990s]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporaneity]. 2000. № 6. P. 25—34.]

Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5—19. [Zubarevich N. V. *Goroda kak tsentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitala* [Cities as centers of modernization of economy and human capital]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporaneity]. 2010. № 5. P. 5—19.]

Зубаревич Н. В. Четыре России отменяются [Электронный ресурс] // Новая газета. Выпуск № 144. 22 декабря 2014. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/66622.html> (дата обращения: 02.10.2016). [Zubarevich N. V. *Chetyre Rossii otmenyayutsya* [Four Russias are cancelled]. *Novaya gazeta*. Issue № 144. December 22, 2014. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/66622.html> (accessed: 02.10.2016).]

Каариайнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX—XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 103—119. [Kaariainen K., Furman D. E. *Religioznost' v Rossii na rubezhe XX—XXI stoletii* [Religiosity in Russia on the cusp of the XX and XI centuries]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporaneity]. 2007. № 1. P. 103—119.]

Каравай А. В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены.

2015. № 2 (126). С. 83—95. [Karavai A. V. Russian workers: financial behaviour and settings. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015. № 2 (126). P. 83—95.]

Качанов Ю. Л. Производство политического поля в современной России // Социологические исследования. 1997. № 11. С. 3—12. [Kachanov Yu. L. The production of the political field in modern Russia. *Sociological studies*. 1997. № 11. P. 3—12.]

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время. 2009. [Kon I. S. Muzhchina v menuyayushchemsya mire [A man in the changing world]. Moscow, Vremya. 2009.]

Лапин Н. И. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М. : Институт философии РАН. 1994. [Lapin N. I. Krizisnyi sotsium. Nashe obshchestvo v trekh izmereniyakh [The Socium in Crisis: Our Society in Three Dimensions]. Moscow, Institute of Philosophy RAS. 1994.]

Лапин Н. И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3—18. [Lapin N. I. Problema sotsiokul'turnoi transformatsii [Problem of socio-cultural transformation]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*. 2000. № 6. P. 3—18.]

Лексин В. Н. Русская цивилизация: опыт системной диагностики // Мир России. 2012. Т. 21. № 4. С. 3—39. [Leksin V. N. Russkaya tsivilizatsiya: opyt sistemnoi diagnostiki [The Russian Civilization: a Case for System Diagnostics]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2012. T. 21. № 4. P. 3—39.]

Мареева С. В. Нормативно-ценностная система россиян: специфика и динамика // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 22—32. [Mareeva S. V. Normativno-tsennoznaya sistema rossiiyan: spetsifika i dinamika [Normative value system of Russians: specifics and dynamics]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporaneity]*. 2012. № 3. P. 22—32.]

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. 2016. Т. 25. № 2. С. 37—67. [Mareeva S. V., Tikhonova N. E. Bednost' i sotsial'nye neravenstva v Rossii v obshchestvennom soznanii [Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2016. Vol. 25. № 2. P. 37—67.]

Нова ли новая Россия? Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян по материалам опросов 1994—2013 гг. / под ред. О. И. Шкаратана, Г. А. Ястребова). М. : Университетская книга. 2016. [Nova li novaya Rossiya? Peremeny v sotsial'noi strukture obshchestva i sotsial'nom vosproizvodstve rossiiyan po materialam oprosov 1994—2013 gg. [Is new Russia new? Changes in social structure and social reproduction of Russians based on the surveys in 1994—2003]. Ed. O. I. Shkaratan, G. A. Yastrebov. Moscow, Universitetskaya kniga. 2016.]

Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Когда и почему разошлись пути России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. 2011. № 4. С. 24—59. Nureev R. M., Latov Yu. V. Kogda i pochemu razoshlis' // Мир России. 2011. № 4. С. 24—59.

puti Rossii i Zapadnoi Evropy (podkhod s pozitsii institutsional'noi ekonomicheskoi istorii) [When and Why the Way of Russia and Western Europe Went Apart (from the Perspective of the Institutional Economic History)]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2011. № 4. P. 24—59.]

Общественное мнение — 2015 [Электронный ресурс]. М. : Левада-Центр. 2016. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. [Obshchestvennoe mnenie — 2015 [Public Opinion — 2015]. Moscow, Levada-Center. 2016. URL: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf> (accessed: 02.10.2016).]

Петухов В. В. Динамика политических предпочтений и политического участия городского среднего класса // Городской средний класс в современной России: Аналитический доклад / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Институт социологии РАН. 2006. С. 127—142. [Petukhov V. V. Dinamika politicheskikh predpochtenii i politicheskogo uchastiya gorodskogo srednego klassa [Dynamics of political preferences and political participation of the urban middle class]. *Gorodskoi srednii klass v sovremennoi Rossii: Analiticheskii doklad [Urban middle class in modern Russia: Analytical report]*. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Institute of Sociology RAS. 2006. P. 127—142.]

Петухов В. В. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2008. № 1 (85). С. 48—61. [Petukhov V. V. Dinamika mirovozzrencheskikh i ideologicheskikh ustanovok rossiyan [Dynamics of worldview and ideological settings of Russians]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2008. № 1 (85). P. 48—61.]

Петухов В. В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2011. № 1 (101). С. 6—23. [Petukhov V. V. Tsennostnaya palitra sovremennogo rossiiskogo obshchestva: «ideologicheskaya kasha» ili poisk novykh smyslov? [Range of values of modern Russian society: ideological mixture or search for new options?]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2011. № 1 (101). P. 6—23.]

Плискевич Н. М. Российский социум девяностых (Размышления над книгой Л. Гордона и Э. Клопова) // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 42—55. [Pliskevich N. M. Rossiiskii sotsium devyanostykh (Razmyshleniya nad knigoi L. Gordona i E. Klopova) [Russian socium in the 1990s (Pondering over the book by J. Gordon and E. Klopov)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporaneity]*. 2003. № 2. P. 42—55.]

Плискевич Н. М. «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа // Мир России. 2016. Т. 25. № 2. С. 123—143. [Pliskevich N. M. “Path Dependence” and the Problem of Modernization from Above]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2016. Vol. 25. № 2. P. 123—143.]

Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый. СПб., 1913. [Rozanov V. V. Opavshie list'ya. Korob pervyi. [Fallen leaves. The first box]. SPb. 1913.]

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2015. [Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya [Russian society and challenges of the time. Book three]. Ed. by M. K. Gorshkov i V. V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir. 2015.]

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. [Middle class in modern Russia. Experience with long-term studies]. Ed. by M. K. Gorshkov. N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir. 2016.]

*Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995—2010 годы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5—19. [Tikhonova N. E. Dinamika normativno-tsennostnoi sistemy rossiiskogo obshchestva: 1995—2010 gody [The dynamics of the normative value system of the Russian society: 1995—2010]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporaneity]. 2011. № 4. P. 5—19.]*

*Тихонова Н. Е. Особенности российских модернистов и перспективы культурной динамики России. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 5—21. [Tikhonova N. E. Osobennosti rossiiskikh modernistov i perspektivy kul'turnoi dinamiki Rossii. Stat'ya 2 [Characteristics of the “Russian Modernists” and the Prospects of the Cultural Dynamic in Russia 2] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporaneity]. 2012. № 3. P. 5—21.]*

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. [Tikhonova N. E. Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost' [Russia's Social Structure: Theories and Reality]. Moscow, Novyi khronograf: Institute of Sociology RAS 2014.]

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность : ч. 1—4. Часть третья. Русская государственность. М. : Университетская типография, на Страстном бульваре. 1905. [Tikhomirov L. A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost': Ch. 1—4. Chast' tret'ya. Russkaya gosudarstvennost' [Monarchic statehood: in four parts. Part three. Russian statehood]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, na Strastnom bul'vare. 1905.]

*Фурман Д. Импровизаторы у власти [Электронный ресурс] // Независимая газета. 17.06.2008. URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-17/11_strategy.html (дата обращения: 02.10.2016). [Furman D. Improvizatory u vlasti [Improvisators at power]. *Nezavisimaya gazeta*. 17.06.2008. URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-06-17/11_strategy.html (accessed: 02.10.2016).]*

*Холодковский К. Г. Двойственность российской идентичности // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2011. № 1. С. 85—97. [Kholodkovskii K. G. Dvoistvennost' rossiiskoi identichnosti [Dualism of Russian identity]. *Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki* «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz» [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics “Politiia: Analysis. Chronicle. Forecast”]. 2011. № 1. P. 85—97.]*

Шкаратан О. И. Становление постсоветского неозакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5—22. [Shkaratan O. I. Stanovlenie postsovetskogo neoetokratizma [The making of the post-Soviet neo-etakratism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporaneity. 2009. № 1. P. 5—22.]

Шкаратан О. И. Социальная система, обращенная в прошлое (Часть 2) // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 80—119. [Shkaratan O. I. Sotsial'naya sistema, obrashchennaya v proshloe (Chast' 2) [Social system turned to the past (Part 2)]. *Sotsiologicheskii Zhurnal (Sociological Journal)* 2015. № 4. P. 80—119.]

Bechhofer F., Elliott B., McCrone D. Structure, Consciousness and Action: A Sociological Profile of the British Middle Class. *The British Journal of Sociology*. 1978. Vol. 29, No. 4. P. 410—436.

Galtung J. Violence, Peace, Peace Research. *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167—191.

Goldthorpe J. H., Llewellyn C., Payne C. Social mobility and class structure in modern Britain. 2nd ed. Oxford: Clarendon Pres. 1987.

Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. — 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2001.

Hubbs J. Mother Russia. Bloomington: Indiana UP. 1988.

Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results. *European journal of sociology*. 1984. Vol. 25. No. 2. P. 185—213.

Merton R. K. Social theory and social structure. New York: Simon and Schuster. 1968.

Simmel G. The Nobility. *Georg Simmel on individuality and social forms. Selected writings*. Ed. by D. N. Levine. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1971 [1908]. P. 199—214.

Wright E. Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: Cambridge University Press. 1997.